

УДК 141.112

Критика Дональдом Дэвидсоном оснований концептуального релятивизма

Галухин Андрей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент,
кафедра истории и философии,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
117997, Российская Федерация, Москва, Стремянный переулок, 36;
e-mail: molbard9@yandex.ru

Аннотация

В статье представлен анализ комплекса аргументов систематической критики Д. Дэвидсоном позиций концептуального релятивизма. Понятие концептуального релятивизма эксплицировано на основе общего представления о зависимости перспективы видения мира, знания и понимания от концептуальных схем, закрепленных в структурах языка и детерминирующих пропозициональное содержание мысли и речи. Несостоятельность позиций релятивизма демонстрируется Дэвидсоном как на уровне их интегрального основания, в статусе которого выступает принцип дуализма концептуальной схемы и нейтрального содержания, так и на уровне радикальных следствий развития идеи всеобщей концептуальной относительности, таких как неоправданная абсолютизация различия концептуально-языковых каркасов, выразившаяся в утверждении несоизмеримости теорий, парадигм, мировоззренческих систем. Раскрываются позиции Дэвидсона по проблемам взаимосвязи языка и мышления, рациональности и коммуникации, истины и интерпретации, из которых развивается систематическая критика положения о полной или частичной невозможности взаимного перевода, выступающего эквивалентом релятивистского тезиса о несоизмеримости концептуальных схем, закодированных в логико-семантических структурах языка. Рассматривается подход Дэвидсона к экспликации основания концептуально-релятивистической парадигмы – фундаментального дуализма схемы и содержания. Дается системная экспозиция когерентных планов критического анализа, в рамках которого под сомнение ставится идея языка как уникальной концептуальной схемы, несоизмеримой со схемой другого языка; доказываются неприменимость принципа «организации» и избыточность принципа «согласования», выражающих функции концептуальных схем по отношению к содержанию; демонстрируется проблематичность идентификации чистого эмпирического содержания, неопределенность условий его функционирования в поле действия кардинально различных схем и бесосновательность

придания ему статуса внеконцептуального компонента оснований знания. Установлено, что для формирования аргументативного потенциала критики концептуального релятивизма ключевое значение имеет методология радикальной интерпретации, адаптирующей принципы условие-истинностной семантики к естественному языку и сочетающей холистический подход к пониманию языка с установками экстернализма.

Для цитирования в научных исследованиях

Галухин А.В. Критика Дональдом Дэвидсоном оснований концептуального релятивизма // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 3А. С. 5-38.

Ключевые слова

Релятивизм, концептуальная схема, несоизмеримость, язык, семантика, истина, радикальная интерпретация, коммуникация.

Введение

Дональд Герберт Дэвидсон (1917-2003) – американский философ, оказавший заметное влияние на развитие традиций аналитической философии во второй половине XX века. Философия Д. Дэвидсона вызывает особенный интерес у исследователей не только в силу оригинальности концептуальных решений и изящества разработанной аргументации по ряду фундаментальных проблем, которые традиционно находятся в фокусе внимания философов-аналитиков, но и потому, что за когерентностью взглядов этого мыслителя, несмотря на то, что они претерпевали некоторые изменения [Davidson, *Intellectual autobiography*, 1999, 3-70], можно распознать контуры определенной философской системы. По замечанию М.В. Лебедева, «хотя идеи Дэвидсона часто развиваются отдельно, однако они объединяются таким способом, чтобы обеспечить единый подход к проблемам знания, действия, языка и сознания» [Лебедев, 2003, 443]. Подходя к разработке сложных проблем философии сознания, языка, метафизики и эпистемологии, Дэвидсон достаточно искусно проводил комплексный философский анализ, в котором находилось место и для артикуляции интуиций, восходящих к установкам здравого смысла, помогавшим, например, выстраивать понимание стандартных практик формирования способностей мышления и речи и использования языка в контекстах повседневной коммуникации и таким образом намечать позиции, дорабатываемые до уровня целостной философской концепции.

Работы Д. Дэвидсона способствовали эвристическому сдвигу в различных областях философского знания, где он проявил себя и как ортодоксальный продолжатель аналитической традиции, и как оригинальный мыслитель, предложивший новые комбинации проблем и аргументов, методов и теорий. Например, в философии действия и теории принятия решений

(переосмысление статуса и соотношения каузальных факторов и рациональных оснований); в философии сознания (формулирование принципов «аномального монизма», отражающих понимание специфики ментальных и физических событий, исходя из которого проблематизировались их номологические отношения, вплоть до отрицания существования строгих психофизических законов); в метафизике (разработка проблемы связи сознания и мира исходя из определения условий коммуникации, роли каузальных зависимостей и семантических отношений, анализ психологических, физикалистских и номологических концептов, обоснование понятия события как значимой онтологической категории, выявление специфики логической формы предложений, применяемых для описания различных аспектов онтологии); в философии языка (осмысление природы языка и взаимосвязи значения и истины, результатом которого стала разработка концепции условие-истинностной семантики, интегрирующей холизм и композиционный подход к языку в рамках общей интенции на приложение формальных структур семантической концепции истины А. Тарского к разработке адекватной теории значения для выражений естественного языка, что получило наиболее последовательное выражение в методологии радикальной интерпретации); в эпистемологии (анализ пропозициональных установок с позиций системного когерентизма и контент-экстернализма, переосмысление отношения концептуального и эмпирического компонентов знания, обоснование взаимосвязи знания о себе со знанием о содержании мысли и речи других и знаниями о мире, определение условий конвертации intersubjectively shared standards of truth into objective, non-skeptical argumentation and criticism of relativism).

Д. Дэвидсон выступил с последовательной философской критикой позиций *концептуального релятивизма*, которые обозначились в ряде современных эпистемологических программ и философско-научных концепций, а также проявились на уровне оснований теоретико-лингвистических и культурно-исторических исследований. Размышления Дэвидсона над условиями развития мышления и речи, закономерностями функционирования языка, природой рациональности и структурными возможностями языковой коммуникации привели философа к принципиальному отрицанию релятивистского подхода, в рамках которого принцип концептуальной и языковой относительности выступает как основание для радикализации категориально-понятийных и логико-семантических различий, исключающих возможности установления соответствия значений языковых выражений, соизмерения пропозициональных установок, сопоставления теорий и мировоззренческих систем: «Если под концептуальным релятивизмом мы подразумеваем идею, что концептуальные схемы и системы морали, или ассоциированные с ними языки могут быть кардинально различными – в такой степени, что они являются друг для друга невразумительными и несоизмеримыми, или никогда не могут быть предметом рационального выбора, тогда я отрицаю концептуальный релятивизм» [Davidson, 2001, 40].

В эпистемологии и философии науки позиции концептуального релятивизма получили экспликацию в обосновании положения о *несоизмеримости* научных теорий, концеп-

туальных схем, парадигм описания и объяснения, способов языковой репрезентации мира. В программной работе Дэвидсона «Об идее концептуальной схемы» [Дэвидсон, 2003, 258-277] и ряде других работ по проблемам философии языка и эпистемологии *тезис о несоизмеримости* представлен как наиболее радикальное следствие утверждения *концептуальной относительности* – зависимости перспективы видения мира, знания и понимания от концептуальных схем, парадигматических установок, категориальных форм, логических структур, семантических матриц и целостных языковых каркасов, которые могут быть настолько кардинально различны, что вопрос об основаниях их сопоставления, критериях их соответствия или условиях их конвергентного соотношения не может получить положительного рационального решения.

В работах Дэвидсона тезис о несоизмеримости получил специфическую семантическую формулировку, адаптированную к целям и форме неопрагматически ориентированного лингвистического анализа: несоизмеримость концептуальных схем, сращенных со структурами языков, имплицитно «невозможность взаимного перевода» [Дэвидсон, 2003, 268] с одного языка на другой. Именно это положение Дэвидсон подвергает критике в первую очередь, опираясь на общие философские аргументы и представление о возможностях радикальной интерпретации (достижения понимания незнакомого языка «с чистого листа», без какого-либо предварительного знания его базовой семантики и синтаксической структуры). Однако объектом критики Дэвидсона является не только положение о несоизмеримости, рассматриваемое в качестве архетипического выражения концептуального релятивизма, но и более общее представление, интегрированное в основание релятивистской парадигмы, а именно: представление том, что в структуре языка воплощена та или иная концептуальная схема, выполняющая функции организации или согласования в отношении к нейтральному содержанию – к первичным опытным данным, на основе концептуальной обработки и усвоения которых формируется определенная система знания или миропонимания. Концептуальная опосредованность, имеющая конститутивное значение для пропозиционального мышления и речи, сама по себе не имплицитно релятивизм. Предпосылки концептуального релятивизма складываются в результате развития общего подхода к анализу знания, основанного на утверждении «третьей догмы эмпиризма» – *дуализма* концептуальной схемы и внеязыкового (эмпирического) содержания. Собственно изобличение этой догмы является ключевым моментом исполнения критических интенций Дональда Дэвидсона, направленных против релятивистских подходов в эпистемологии, философии науки и философии языка.

Концептуальная относительность и несоизмеримость

Концептуальный релятивизм является следствием концепции, согласно которой представители различных языковых сообществ, идентифицируемых, например, как сообщества культурные или научные (при условии, что формой спецификации языка науки является,

например, «парадигмальная» теория, а модель его понимания определяется холистской концепцией значения терминов этой теории), могут осуществлять познание на основе опыта, сформированного в рамках различных концептуальных схем, представляющих уникальные системы категорий, закрепленные в структурах языка, – «когда концептуальные схемы различаются, то различаются и языки» [Дэвидсон, 2003, 260]. Поскольку сращенность категориальных форм сознания с языком исключает возможность выйти за пределы особой концептуально-языковой матрицы и занять преимущественную позицию для сравнения различных схем, то в качестве способа рассмотрения критериев идентичности последних предлагается изучение *критериев перевода и условий переводимости* с одного языка на другой. Если «отождествить концептуальные схемы с языками», то «это предполагает (учитывая, что несколько языков могут выражать одну и ту же схему) взаимопереводимость языков» [Дэвидсон, 2003, 260-261]. Соответственно, в случае частичного или полного несовпадения этих схем (именно это допускает концептуальный релятивист) языки настолько различаются, что неизбежно возникают трудности или случаются неудачи перевода. Предельной идеализацией неудачи перевода является несоизмеримость, означающая отсутствие способа перевода с одного языка на другой ввиду несравнимости воплощенных в языке концептуальных схем и неразличимости общей схемы, к которой они могут быть редуцированы: «Если перевода из одной схемы в другую вообще не существует, то тогда два человека, принадлежащих к различным концептуальным схемам, не смогут поставить в истинное соответствие свои мнения, желания, надежды и фрагменты знания» [Дэвидсон, 2003, 258].

Несоизмеримость: семантический аспект

Положение о несоизмеримости было развито в рамках постпозитивистских программ историцистского исследования науки, когда для осмысления радикальных трансформаций концептуального аппарата научных теорий была задействована определенная семантическая концепция, а именно – холистическая теория значения теоретических терминов, которая, как отмечает Ньютон-Смит [Newton-Smith, 2003, 10-13], была унаследована от позитивистов и ассимилирована новыми представлениями о структуре языка науки, выходящими за рамки классических «догм эмпиризма» [Куайн, 2000, 342-360]. Позитивистская доктрина языка науки развивалась на основе представления о постулатах, неявно или частично определяющих значение теоретических терминов, и последующего замещения точки зрения постулатов значения принципами холистского подхода. Если «значение теоретического термина определяется всей совокупностью предложений, входящих в теорию и содержащих этот термин» [Newton-Smith, 2003, 11], то «любое изменение в постулатах, содержащих данный теоретический термин, приводит к изменению значения этого термина» [там же]. Но позитивисты ограничивали область применения холистского подхода и концепции постулатов значения, считая их релевантными для определения теоретических терминов. При условии

строгoго разграничения теоретического и эмпирического компонентов знания перемена в значении теоретических терминов не затрагивает термины наблюдения, то значения последних «определялись в терминах условий верификации и фальсификации, ссылающихся на возможный опыт» [там же], и полагались нейтральными по отношению к теории и инвариантно установленными. «Критики позитивизма (как рационалисты, такие как Поппер и Патнем, так и нерационалисты, такие как Кун и Фейерабенд)» [там же, 12] подвергли сомнению концепцию логико-эмпирического фундаментализма, основанную на абсолютном разграничении теории и наблюдения. Изобличая дихотомию аналитического и синтетического в качестве догмы, постпозитивисты подорвали автономию языка наблюдения: сама «идея возможности ясного различения теории и языка» [Дэвидсон, 2003, 263] была отброшена. Дискредитируя «миф о данных» и развивая положение о «теоретической нагруженности» эмпирических фактов, постпозитивисты индуцировали пересмотр статуса инстанции опыта, и с этого момента принципы сравнения теорий уже не могут задействовать положение о критериальном статусе нейтральных эмпирически фундирующих оснований. Но пересмотр базовых установок позитивистской программы не привел к отказу от холистического подхода к определению значения – фундаментальную для позитивизма доктрину значения теоретических терминов постпозитивисты универсализировали, распространив ее на все термины: постпозитивисты «стали трактовать и так называемые теоретические термины и так называемые термины наблюдения как неявно определенные той теорией, в которой они оказались» [Newton-Smith, 2003, 12]. Придание этому тезису теоретико-методологического статуса и использование его в качестве базовой посылки для осмысления изменения концептуально-языковых систем привело к «нарушению инвариантности значения», что, в свою очередь, открыло возможности обоснования тезиса о несоизмеримости: радикальные изменения в теории сопряжены с изменением концептуальной схемы и, соответственно, со сдвигом значения терминов того языка, в котором воплощена эта схема.

Несоизмеримость: эпистемологический аспект

Тезис о несоизмеримости является следствием радикально негативного истолкования той проблематичной ситуации, когда различие семантических матриц языка наукой не может быть преодолено за счет их редукции к нейтральному основанию, будь то воплощенная в языке некая универсальная концептуальная схема, относительно которой определяется фиксированная система значений (вслед за Куйном и другими аналитиками Дэвидсон отрицает наличие такой схемы – прототипа универсального метаязыка), или независимая от теории «реальность», установление однозначного соответствия которой, как полагают реалисты, позволило бы, с одной стороны, решить вопрос об адекватности языка и кореферентности языковых выражений, а с другой, согласовать теории на основе их корреспондентно-истинностной оценки. В последнем случае однозначность соответствия утверждается на

основе неоправданного метафизического допущения, что «сознание, не обладающее языком, способно постигать вещи так, как они реально существуют» [Дэвидсон, 2003, 260]. Если так, возражает Дэвидсон, то сознание не должно иметь категории и понятия, но такая позиция есть выражение абстрактного подхода, при котором сознание понимается «в отрыве от конституирующих его черт» [Дэвидсон, 2003, 260], таких как категориально-понятийные структуры, закрепляемые не иначе как в языковых формах. В первом же случае реализуется подход, который «сводит воедино владение языком и обладание концептуальной схемой» [Дэвидсон, 2003, 259] и объясняет возможность перевода исходя из того, что «говорящие на разных языках могут разделять одну концептуальную схему» [Дэвидсон, 2003, 260], а неудачу перевода – различием концептуальных схем. С таким подходом Дэвидсон принципиально не может согласиться, потому что в основание его положено необоснованное утверждение дуализма концептуальной схемы и внеязыкового «нейтрального содержания, ожидающего организованного оформления» [Дэвидсон, 2003, 268]. Именно в развитии этого представления формируются *предпосылки концептуального релятивизма*, поскольку именно концептуализация (категоризация, интерпретация) нейтрального содержания, производимая на основе использования различных схем, рассматривается как фактор порождения релятивистических эффектов в области знания, взаимопонимания и мировосприятия.

Проблема общей системы координат: аргумент от неразличимости концептуальных контрастов

Прежде всего, Дэвидсон приводит аргумент, нацеленный на демонстрацию того, что сама идея различных концептуальных схем, воплощенных в языке и не поддающихся взаимному переводу, не является достаточно определенной и вразумительной, чтобы на ее основе можно было рационально осмыслить ситуацию выявляемого различия языков, связанную с изменением теорий. Так, Кун, описывая типичную постреволюционную ситуацию, когда «большая часть тех же самых знаков используется как до, так и после научной революции (например: сила, масса, элемент, состав, клетка)», утверждает, что «способ, которым они связываются с природой, изменился» [цит. по: Дэвидсон, 2003, 267]. Но каким образом можно было бы установить, что субъект, формулируя новую теорию, пользуется языком, воплощающим новую концептуальную схему, если в этом языке сохраняются выражения, которые позаимствованы из прежнего языка? Выражения после изменения некоторой теории могли бы иметь то же самое значение, что и выражения до изменения теории. Однако формирование нового языка, даже если оно сопряжено с сохранением части или всего старого словаря, «само по себе не обеспечивает оснований для утверждения, будто новая схема должна быть той же самой или отличной от старой» [Дэвидсон, 2003, 265]. Дэвидсон подразумевает, что для того, чтобы зафиксировать, является ли концептуальная схема, вво-

димая в действие, когда человек начинает говорить на новом языке, пусть даже последний содержит фразы, позаимствованные из прежнего языка, «той же самой или отличной от старой», у нас уже должно быть выработано определенное знание, позволяющее ориентироваться в значении высказываний говорящего на другом языке. Чтобы установить, что это некий новый язык, который может, как допускается в мысленном эксперименте Дэвидсона, сохранять часть прежнего словаря, но в действительности является языком, отличным от языка старой теории, поскольку воплощает отличную концептуальную схему, необходимо либо владеть этим языком, либо занять нейтральную точку зрения и удостовериться в наличии «общей системы координат» [Дэвидсон, 2003, 259], позволяющей соотнести различные точки зрения (схемы, теории) и зафиксировать концептуальный контраст. Однако философы науки типа Фейерабенда и историки науки типа Куна, осуществляя демонстрацию тезиса о несоизмеримости теорий, исключают возможность создания «базисного словаря, полностью состоящего из слов, которые связаны с природой непроблематическими способами и до некоторой степени необходимы и независимы от теории» [цит. по: Дэвидсон, 2003, 267].

Утверждая несоизмеримость как предельное выражение радикального различия концептуальных схем, исключая их конвергенцию, концептуальные релятивисты отрицают наличие «общей системы координат», обеспечивающей соотнесение различных парадигм. Такое соотнесение, если оно вообще возможно, не обязательно подразумевает редукцию к фундаментальной схеме, воплощенной в языке некой метатеории. «Было бы ошибкой продолжать заниматься поисками такого основания, если под этим подразумевается нечто общее для несоизмеримых схем» [Дэвидсон, 2003, 273]. Скорее речь должна была бы идти о приспособлении одной концептуальной схемы к другой, сопряженной с аккомодацией значения исходных терминов, для которой релятивисты по известным причинам не находят оснований.

Общий пункт в системе аргументов Дэвидсона, нацеленных на демонстрацию несостоятельности позиций концептуального релятивизма, состоит в том, что тезис о несоизмеримости, имплицитно подразумевающий неразличимость пределов концептуальных контрастов, является апористичным и амбивалентным. Само утверждение несоизмеримости, подкрепляемое демонстрациями вариативности значений, предполагает сравнение, т. е. построение координирующей системы, в рамках которой можно было бы осмысленно утверждать, что между рассматриваемыми позициями существует идентифицируемое и рационально формулируемое различие: «Различие точек зрения имеет смысл, если есть общая система координат, которую они должны разделять, однако само существование этой системы противоречит идее их абсолютной несоизмеримости, а значит, мы нуждаемся в положениях, устанавливающих предел для концептуальных контрастов» [Дэвидсон, 2003, 259].

При отсутствии общей системы координат единственным способом установления факта радикального различия концептуальных схем, которому соответствует утверждение их

несоизмеримости, остается фиксация неудачи перевода, приобретающая статус основного свидетельства в пользу утверждения взаимной непереводаемости языков: «Несоизмеримость есть, разумеется, то слово, которое Кун и Фейерабенд используют для обозначения „невозможности взаимного перевода“» [Дэвидсон, 2003, 268]. Стандартное объяснение этой ситуации артикулирует предпосылки концептуального релятивизма: перевод невозможен вследствие радикального различия концептуальных схем, представленных на уровне категориально-понятийного аппарата мышления и отображаемых логико-семантическими структурами языков.

Формулируя тезис о несоизмеримости в виде положения о *полной или частичной невозможности перевода*, объясняемой в терминах различия концептуальных схем, воплощаемых структурами языков, Дэвидсон подвергает это положение последовательной критике, демонстрирующей несостоятельность самой *идеи дуализма концептуальной схемы и содержания*, которая заложена в предпосылках утверждения несоизмеримости.

Аргументы против несоизмеримости как невозможности взаимного перевода

Исходная проблемная ситуация, в которой тезис о несоизмеримости концептуальных схем формулируется как тезис о взаимной непереводаемости соответствующих языков, в обобщенно-схематическом виде может быть представлена следующим образом:

«1) Понятия концептуальной схемы и (эмпирического) содержания, непосредственно интерпретацией и концептуализацией, являются взаимно сопряженными.

2) Возможность существования одной концептуальной схемы можно осмыслить только исходя из допущения, что возможно множество альтернативных (в пределах несоизмеримых) концептуальных схем.

3) Концептуальные схемы необходимым образом ассоциированы с языками (данное положение следует из отстаиваемого Дэвидсоном тезиса, что владение языком необходимым образом входит в условие возможности мышления).

4) Если две схемы являются взаимно несоизмеримыми, то и языки, в структуре которых они выражены, будут взаимно непереводаемыми» [De Caro, 1999, 6].

Таким образом, для того чтобы фальсифицировать принцип относительности содержания к определяющей его концептуальной схеме и нейтрализовать в этом общезначимом аспекте концептуальный релятивизм, достаточно доказать, что тезис о возможности существования взаимно непереводаемых языков является либо ложным, либо бессмысленным.

Основная стратегия Дэвидсона в ключевом пункте аргументации против лингвистически сформулированного тезиса о несоизмеримости заключается в том, чтобы «показать невозможность осмысленного утверждения полной неудачи перевода» [Дэвидсон, 2003, 261], а затем продемонстрировать, что возможность частичной неудачи перевода не имплицитно

несоизмеримости и может быть осмыслена только при наличии «основы для успешного в целом перевода» [Дэвидсон, 2003, 269]. По точному замечанию С.В. Никоненко, «Дэвидсон не стремится исключить разногласия. Он хочет показать, что разногласия невозможны без некоторого общего основания в согласии, а непереводаемость невозможна без общего допущения переводимости» [Никоненко, 2007, 353].

Проблематичность рациональной экспликации идеи полной неудачи перевода

Прежде всего, Дэвидсон критически рассматривает идею *полной неудачи перевода* и приходит к заключению, что допущение полной неудачи перевода является рационально неоправданным, а *идея абсолютной непереводаемости* вообще нельзя придать какой-либо рационально внятный смысл.

Апорийность утверждения ошибочности перевода

Критический анализ идеи непереводаемости показывает, что утверждение полной неудачи перевода заключает в себе эпистемологическую апорию: как вообще мы можем знать, что любая наша интерпретация высказываний (речевых актов) носителя чужого языка является в целом неудачной, если отсутствует *общая позиция*, с которой можно было бы оценивать и выверять правильность интерпретации, фиксировать удачу или неудачу перевода? Тезис о несоизмеримости имплицитно подразумевает недостижимость такой позиции для любого интерпретатора (невозможность найти общий язык). Полная невозможность перевода означает, что все наши интерпретации были, есть и будут абсолютно ошибочными. Но при отсутствии «основы для успешного в целом перевода» [Дэвидсон, 2003, 269] невозможно в принципе распознать какую бы то ни было ошибку в содержании тех интерпретаций, какие даются высказываниям носителя незнакомого языка. Уже с этих позиций становится очевидным, что тезис об абсолютной невозможности перевода эпистемологически амбивалентен, а идея абсолютной непереводаемости невразумительна.

Базовый философский аргумент против допущения непереводаемости

Дэвидсон выдвигает *базовый философский аргумент*: лингвистическая компетентность связывается с рациональностью носителя языка, а идентификация речевого поведения, в котором проявляются эти качества, необходимым образом предполагает допущение возможности интерпретации последнего в терминах знакомого нам языка. *Признание полной непереводаемости подрывает саму возможность идентифицировать языковую систему как*

таковую. Критики (например, Х. Сэнки) указывали на то, что включение допущения о переводимости в состав решающих условий идентификации языка является эмпирически неоправданным: в наличие языковой системы можно удостовериться, исходя из контекстуальных и формальных признаков, даже когда интерпретация или расшифровка семантических кодов находятся за границами актуальных возможностей. Следует, однако, понимать, что Дэвидсон размышляет о языке не просто как о системе знаков с заданной интерпретацией, но рассматривает язык в контексте целостного речевого поведения, в котором посредством комплекса значимых речевых актов раскрываются убеждения и другие пропозициональные установки носителя языка, удовлетворяющие критериям когерентности (внутренний семантический вектор) и каузально-исторической обусловленности (внешний семантический вектор, ведущий к объектам и событиям; обращение к ним позволят идентифицировать содержание некоторых убеждений, проявляемых в вербальных и иных реакциях на эти объекты и события).

Представляя свой философский аргумент, Дэвидсон имеет в виду, что признание абсолютной непереводаемости имплицитно подразумевает невозможность удостовериться в наличии языковой активности и оправдать допущение осмысленного речевого поведения. В случае непереводаемости, т. е. невозможности интерпретировать активность другого с использованием ресурсов знакомого нам языка, под сомнение ставится статус носителя языка, собственно лингвистическая компетентность как таковая. Как следствие, человека нельзя признать рациональным и приписать ему такие установки, как мнение, желание, намерение, если он не владеет языком: «Мало вероятно, что можно обоснованно произвести приписывание субъекту комплекса установок до тех пор, пока мы не способны перевести его слова» [Дэвидсон, 2003, 262]. Исходя из философски обоснованного представления о том, что владение языком в целом входит в условия реализации способности к мышлению («существо не может иметь мысль, пока не владеет языком» [Davidson, 2001, 100]), Дэвидсон превращает негативное следствие признания полной непереводаемости в основание отказа от презумпции рациональности носителя языка, которое в пределе оказывается основанием для исключения его субъектности – способности формировать пропозициональные установки, выражать свои мысли и намерения и понимать мысли и намерения других. В перспективе сомнительных лингвистических компетенций утрачивается не только смысл обсуждения возможностей перевода, но и смысл коммуникации вообще.

Доказательство положения, что рациональная экспликация идеи существования взаимно непереводаемых языков является проблематичной, является особенным моментом демонстрации несостоятельности принципа, в котором обозначилась универсалия концептуально-релятивистической парадигмы. Это принцип различия концептуальной схемы и непосредственно данного – эмпирического содержания, ассимилируемого (перерабатываемого и усваиваемого) в формах знания и речи посредством концептуализации (категоризации, интерпретации).

Основание концептуального релятивизма: идея концептуальной схемы

Отправным пунктом концептуального релятивизма служит философская позиция, что «мир не открывается нам в окончательно завершенном («ready-made») и полностью структурированном («ready-carved») виде; скорее, мы подразделяем его на разнообразные категории и классы посредством применения концептуальной схемы или категориальной структуры» [Baghramian, 2004, 163].

Дэвидсон квалифицирует идею различия схемы и содержания как *третью догму эмпиризма*, представляет ее наряду с другими двумя догмами, избличенными Куайном, такими как убеждение в существовании различия между истинами аналитическими, определяемыми посредством экспликации значения терминов, и истинами синтетическими, опирающимися на факты, и редукционизм – убеждение в возможности представить всякое осмысленное высказывание как эквивалент логической конструкции, состоящей из терминов, отсылающих непосредственно к опыту [Куайн, 2000, 342].

Концептуальная схема закреплена на уровне логической структуры языка и введена в аппарат базисных понятий, используемый при объективации, идентификации, индивидуализации, дескрипции, концептуализации, интерпретации и прочих способах отношения к тому, что при реконструкции собственно познавательного отношения обычно рассматривается в терминах «фактов» или «данных», «опыта» и представляется неким внеязыковым содержанием, предназначенным для концептуальной обработки, организации, ассимиляции, без которых оно не может иметь предметного значения. Дэвидсон замечает, например, что Уорф вводит «новый принцип релятивности» [Дэвидсон, 2003, 267], исходя из представления, что «язык, прежде всего, есть классификация и обработка потока чувственного опыта, результатом чего является некоторый мировой порядок» [Дэвидсон, 2003, 266]. Куайн, развивая идею «онтологической относительности», утверждает, что концептуальная схема через отношение к целому опыту обеспечивает «разделении реальности на разнообразие различимых и идентифицируемых объектов» [Дэвидсон, 2003, 268]. В свое время К.И. Льюис выразил общее понимание дуализма схемы и содержания, представив этот дуализм как принцип структурной организации познавательного опыта: «В нашем познавательном опыте два элемента: непосредственные данные, такие как чувственные данные, которые явлены или даны сознанию, и форма, конструкция или интерпретация, которая представляет собой мыслительную активность» [Lewis, 1960, 38].

В том, как сам Дэвидсон раскрывает понятие концептуальной схемы, прослеживается аналогия с понятием «парадигма», используемым Т. Куном в качестве базисного концепта для определения специфического содержания оснований науки определенного периода: «Концептуальные схемы являются способами организации опыта, их рассматривают как системы категорий, придающих форму чувственным данным, они также уподобляются точкам зрения индивидов, культур и эпох на происходящие события» [Дэвидсон, 2003, 258].

Концептуальный релятивизм не ограничивается введением концептуальной схемы в основание объективирующих систем (разделение реальности на разнообразие объектов, по Куайну) и заданием на ее основе (посредством организации опыта, по Уорфу) индексов предметной значимости, но становится способом деконструкции метафизики на основе утверждения *онтологической относительности*, которая затрагивает монологические основания реализма в той мере, в какой допускается, что в концептуальной схеме закодирован способ конституирования реальности: «Даже сама реальность относительна к схеме: то, что считается реальным в одной системе понимания, может не считаться таковым в другой» [Дэвидсон, 2003, 258].

«Доминирующая метафора концептуального релятивизма» [Дэвидсон, 2003, 259] – метафора относительности истины к концептуальной схеме, т. е. к языку. Это метафора пролиферации поливариантных точек зрения, развертывания многообразия онтологических «гешталтов» и создания индивидуальных картин мира, отличающихся уникальным способом репрезентации того, чему придан статус реальности, и способом организации того, что распознается как содержание опыта, ибо такая организация осуществляется на основе различных систем категорий и понятий, интегрированных в концептуальную схему, ассоциированную с языком определенной теории. Каждый язык, обладая *индивидуальной логической структурой*, в применении к опыту задает специфическую онтологию, в описании которой нельзя выйти за пределы той особенной *концептуальной схемы*, которая воплощена в этом языке.

Основание концептуального релятивизма: идея «чистого» эмпирического содержания

Для подхода, который «сводит воедино владение языком и обладание концептуальной схемой» [Дэвидсон, 2003, 259] и реализуется в развитии представления о том, что концептуальные языковые схемы становятся основанием уникальных картин мира, между которыми нельзя установить однозначного соответствия, должен сохраняться некий прототип идеи *эмпирического содержания*.

Схема в самом общем смысле – это концептуально-логический аппарат языка; в качестве выражений языка, которые используются для раскрытия содержания пропозициональных установок (убеждений), рассматриваются предложения, которые могут быть истинными или ложными. Концептуально-логический аппарат языка используется для обработки (концептуализации) некоего *содержания*, которое представляется либо как *содержание объектно-событийного континуума* (мира/реальности, например, «физические данные»), либо как *содержание опыта* (чувственные данные или свидетельства). В любом случае предполагается, что это содержание *нейтрально* по отношению к возможным концептуализациям, и именно в отношении к нейтральному (неинтерпретированному) содержанию

реализуется функция той или иной концептуальной схемы. Таким образом, наряду с «идея языка, воплощающего концептуальную схему» [Дэвидсон, 2003, 266], идея *содержания*, организуемого и интерпретируемого на основе принятой концептуальной схемы, служит опорой концептуального релятивизма: развитие идеи дихотомии схемы и содержания индусирует не только представление о различных концептуально-языковых матрицах, но и представление «о незамутненном потоке опыта, который по-разному перерабатывается различными сознаниями или культурами» [Davidson, 2001, 41].

Концептуальный релятивизм, основанный на утверждении относительности миропонимания к той или иной концептуальной схеме, предполагает наличие элемента, по отношению к которому концептуальную схему выполняют свою основную функцию, осмысливаемую на основе метафор «организации» или «согласования»: «Этот элемент есть неинтерпретированные данные, некатегоризованное содержание опыта» [Davidson, 2001, 41].

Вообще, понятия *концептуальной схемы* и *эмпирического содержания* являются соотносительными, что становится очевидным, когда ставится вопрос об условиях осмысленного оперирования этими понятиями. Как замечает Н. Голдберг, «говорить о „концептуальных схемах“ имеет смысл, только если есть нечто установленное, некое «эмпирическое содержание», которое различные схемы концептуализируют различным образом, и точно так же, говорить об „эмпирическом содержании“ имеет смысл, если есть концептуальные схемы, которые обеспечивают его концептуализацию» [Goldberg, 2004, 412]. При таком подходе, который вписывается в парадигму, основанную на дихотомии схемы и содержания, об онтологии говорится в относительном ключе, т. е. лишь как о результате применения системы категорий, «организующих структур языка», обеспечивающих объектное членение мира или предметное истолкование опыта, по отношению к некоторому экстралингвистическому содержанию, «ожидающему организации» и подлежащему ассимиляции концептуальными структурами.

Непроясненность идеи чистого эмпирического содержания

Насколько оправданным является «предположение о чем-то нейтральном и общем как лежащем за пределами всех схем» [Дэвидсон, 2003, 267]? Уже первичный анализ этой позиции вскрывает источник проблем: «это общее „нечто“ не может, конечно, быть *предметным содержанием* контрастирующих языков, поскольку тогда перевод был бы возможен» [Дэвидсон, 2003, 267], а сторонники положения о несоизмеримости утверждают противоположное. Но тогда возникает проблема, обусловленная принципиальным для сторонников лингвистической относительности исключением метаязыка, средствами которого можно было бы выразить метапредметное содержание. Если мы не в состоянии выйти за пределы особенной концептуальной схемы, закрепленной на уровне индивидуальной логической структуры языка, обладающего уникальной референциальной системой, то способ пред-

метной фиксации непосредственного концептуализацией метапредметного содержания остается совершенно неопределенным. На каком-то этапе анализа можно было бы прибегнуть к стратегии остенсивного определения или воспользоваться абстрактными обозначениями, подобными тем, которые используются для схватывания во всеобщей форме объекта чувственной достоверности (как это показано в «Феноменологии духа» Гегеля). Однако это сомнительные способы решения основной проблемы, поскольку не предоставляют достаточно концептуальных ресурсов для теоретической экспликации отношения между схемой и содержанием. Собственно, Дэвидсон отчетливо распознает эту проблемную для эмпиризма ситуацию: «Выражение содержания с помощью слов не является необходимым и, согласно некоторым представлениям, выходит за границы возможного» [Davidson, 2001, 40].

Аргумент Дэвидсона против эмпирико-фундаменталистских трактовок идеи эмпирического содержания является комплексным: с одной стороны, демонстрируется, что экспликация понятия эмпирического содержания, основанная на представлении о неких первичных данных, подлежащих обработке и ассимиляции посредством концептуальной схемы, является проблематичной ввиду несостоятельности самого «мифа о данных»; с другой стороны, Дэвидсон показывает, что идея эмпирического содержания является невразумительной, если рассматривать ее через призму представления об условиях применения концептуальной схемы, которая должна это содержание так или иначе «организовывать» или «согласовывать».

Дэвидсон признает, что убеждение в эпистемологической несостоятельности идеи чистого эмпирического содержания, свободного от концептуализаций, он выработал под влиянием аргументации Селларса, направленной против «мифа о данных»: «Селларс убедил меня, что никакая эпистемология, которая основана на какой бы то ни было версии неконцептуализированного данного, не может быть успешной» [Davidson, Reply..., 1999, 192].

Эпистемологический аргумент против эмпирического джастификационизма

Дэвидсон предлагает эпистемологический аргумент, демонстрирующий проблематичность экспликации понятия чистого эмпирического содержания и сомнительность того значения, которое придается этому понятию в рамках классических моделей эмпирического обоснования знания. Дэвидсон раскрывает эпистемологическую апорию джастификационистской методологии классического эмпиризма, которая заключена в постановке вопроса о том, как интегрировать в эмпирический фундамент знания такие элементы опыта, которые сами по себе не связаны никакими пропозициональными установками, но традиционно представлялись значимыми для оправдания убеждений. Эпистемологический аргумент формулируется из общего представления, что эмпирическое содержание, выступающее в качестве исходно данного материала, подлежащего концептуализации, само по себе яв-

ляется образованием внеконцептуальным. При этом оно представляет данные, исходя из которых, как считали позитивисты, некоторые убеждения, прежде всего перцептуальные полагания, выражаемые протокольными предложениями, следует считать оправданными. Но Дэвидсон считает эпистемологически несостоятельным представление о том, что нечто эмпирически данное, не обладающее концептуальным статусом, *само по себе* способно служить основой для оправдания наших эмпирических убеждений. Всякий раз, когда для оправдания какого-либо убеждения мы ссылаемся на содержание опыта, то не само это эмпирическое содержание – не данные опыта обеспечивают оправдание, но именно *осведомленность* («awareness») о содержании опыта является той основой, на которой вырабатывается представление об убеждениях как оправданных или неоправданных [Davidson, 2001, 142]. Дэвидсон полагает, что такая осведомленность сама является видом убеждения, т. е. заключает в себе некоторую сентенциально выразимую пропозицию и обладает, соответственно, концептуальным статусом, а это противоречит самой идее чистого, концептуально непосредственного эмпирического содержания. В этом смысле *принцип выделения эмпирического содержания в качестве внеконцептуального компонента оснований знания является несостоятельным*.

Дэвидсон обосновывает категориальное различие причин («causes»), в силу которых у нас возникает определенное убеждение, и эпистемических оснований («reasons»), по которым это убеждение, как полагают интерналисты, считается оправданным. Различая *основания* и *причины*, Дэвидсон подкрепляет этот вывод соображениями холистического плана, которые обобщаются в форме положений, эксплицирующих принцип когерентности в подходе к обоснованию: «ничто не может считаться *основанием* («reason») для того, чтобы придерживаться некоторого убеждения, кроме другого убеждения» [Davidson, 2001, 141]. По сути, Дэвидсон артикулирует позиции пропозиционального монизма, исключительно значимые для инференциального обоснования: «Все, что считается основанием или оправданием для некоторого убеждения, должно происходить из той же тотальности убеждений, в которую данное убеждение входит» [Davidson, 2001, 153]. Представление внеконцептуального содержания, такого, например, как первичные эмпирические данные, на которые ссылаются представители эмпиризма, в качестве основания, достаточного для оправдания элементарных (перцептуальных) полаганий, является следствием категориальной ошибки. То, что само по себе *не обладает концептуальным статусом* и по сути своей имеет *каузальное значение* (в смысле причины, обуславливающей формирование убеждений), относится к одной категории, а *концептуально-основательное, пропозиционально-содержательное и оправдательно-значимое* – к другой [Goldberg, 2004, 415]. Иными словами, никакое внеконцептуальное содержание, прорабатываемое в той или иной концептуальной схеме, непосредственно не заключает в себе основания для того, чтобы придерживаться определенных полаганий, и не может выделяться в качестве привилегированной инстанции, обеспечивающей их оправдание.

Дэвидсон тем не менее полагает, что между чувственным опытом и убеждениями существует необходимая связь, которая поддается определенной квалификации. Данная связь однозначно квалифицируется им как *каузальное отношение*: «Ощущения вызывают в нас некоторые убеждения и в этом смысле являются базисом или основой этих убеждений» [Davidson, 2001, 143]. Очевидно, что реализация такого каузального отношения, по мысли Дэвидсона, вписывается в общий порядок детерминации формирования определенных убеждений факторами, внешними по отношению к ментальной перспективе субъекта. В этой *экстерналистской* перспективе даже ощущения идентифицируются на основе различения «событий в сенсорном аппарате субъекта» [Davidson, 2001, 173] и представляются звеньями каузальной цепи, связывающей пропозициональные установки и эпистемические диспозиции субъекта с событиями и объектами в мире. Но объяснение формирования некоторого убеждения на основе выделения роли элементов опыта в общей каузальной цепи, которая должна проследиваться с независимых позиций, не имплицитно демонстрирует то, *как и почему* данное убеждение оправдано.

Таким образом, вопрос о том, как эмпирическое содержание, т. е. нечто непосредственно данное, выступает в поле организующего действия концептуальной схемы, когда речь идет об оправдании убеждений в качестве конститuentов знания, является бессодержательным. По сути, это означает, что понятие о чистом эмпирическом содержании не может быть эксплицировано с достаточной определенностью, чтобы можно было его применять непосредственно для разработки концепции оснований знания. В своей «Интеллектуальной автобиографии» Дэвидсон уточнил свою позицию относительно проблемы эмпирического содержания: «То, против чего я возражал, не было просто идеей неконцептуализированных данных, которые могут служить основанием эмпирического знания. Если согласиться с Кантом, что «мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы», то уже нельзя рассматривать созерцания как возникающие отдельно и служащие в таком виде основой эмпирического знания. Но утверждая это, мы бы все еще допускали, что можно провести различие между концептуальным элементом и эмпирическим элементом мысли, и именно это различие я подверг сомнению» [Davidson, Intellectual autobiography, 1999, 51]. Без этого различия концептуальный релятивизм становится позицией, которая не может быть рационально сформулирована.

Идеи концептуальной схемы по отношению к эмпирическому содержанию: метафора «организации»

Показав несостоятельности представления о непосредственных данных опыта, т. е. эмпирическом содержании, которое можно было бы отличить от всех концептуальных схем и представить как конститутивную основу *свидетельств*, используемых для обоснования, Дэвидсон переходит ко второй части своего комплексного аргумента. На этом этапе крити-

ческого анализа под сомнение ставится рациональная *эксплицируемость самого принципа концептуализации*. Нельзя вразумительно представить не только то, как непосредственное содержание опыта, подлежащее концептуализации, функционирует в порядке обоснования, но и то, как концептуальная схема выполняет организующую функцию по отношению к этому эмпирическому содержанию, которое само в себе, как предполагается, не включает определений и различий, представляющих независимую от концептуализации содержательную основу знания.

При каких условиях можно помыслить язык в его категоризирующей и связующей функциях, выполнение которых (наряду с другими факторами) входит в условия преобразования непосредственного содержания опыта в пропозициональное содержание мысли и речи? Дэвидсон выдвигает аргумент, основанный на использовании метафоры «наведения порядка в шкафу»: «Мы не можем связать ясное значение с понятием организации единичного объекта (мира, природы и т. п.) до тех пор, пока этот объект не будет понят как состоящий из других объектов. Тот, кто собирается навести порядок в шкафу, размещает в нем вещи. Если же вас просят не привести в порядок платья и туфли, а организовать сам шкаф, то вы будете поставлены в тупик» [Дэвидсон, 2003, 269]. Аргумент, использующий метафору «наведения порядка в шкафу», нацелен на демонстрацию того, что принцип концептуализации как организации эмпирического содержания является по своей сути амбивалентным.

С одной стороны, (тезис 1) «понятие организации применимо только к множественности» [Дэвидсон, 2003, 270], т. е. к содержанию, которое само по себе уже как-то дифференцировано, и (тезис 2) элементы упорядочиваемого множества (будь то объекты или события, так или иначе «данные в опыте», или феноменальные аспекты самого опыта) «должны индивидуализироваться в соответствии с хорошо знакомыми принципами» [Дэвидсон, 2003, 270]. Только при таком условии можно придать определенный смысл самому принципу организации (упорядочить можно только вполне определенные и знакомые нам вещи, и, собственно, с такими вещами мы обращаемся, когда наводим порядок в шкафу, на рабочем столе или в комнате). А если язык организует *знакомые нам* сущности, то «он должен быть языком, очень похожим на наш собственный» [Дэвидсон, 2003, 270]. Выражения такого языка в принципе допускают интерпретацию и перевод: «Наличие общей для двух языков онтологии, содержащей понятия, которые индивидуализируют одни и те же объекты» [Дэвидсон, 2003, 269], и есть «основа для успешного в целом перевода» [Дэвидсон, 2003, 269]; неудачи же перевода в этом случае могут иметь только локальный характер и распознаваться на фоне общего прогресса в интерпретации.

С другой стороны, исходное допущение, на котором держится дуализм концептуальной схемы и содержания, заключается в том, что эмпирическое содержание само по себе *не представляет* дифференцированное множество различных фактов или индивидуализируемых объектов, пока оно не подвергнуто концептуализации. Изначально оно есть нечто абстрактное и бессвязное, категориально индифферентное и референциально неопределенное. Так,

например, Куайн полагал, что «непосредственный опыт в качестве самостоятельной области просто-напросто не будет связным» [Куайн, 2000, 17] без указаний («references») на объекты, в основе которых применяется определенная концептуальная схема. Именно концептуальная схема представляется основным инструментом, посредством которого эмпирическое содержание подразделяется на объекты *первичным образом*, становится конкретно дифференцированным и внутренне связным множеством, т. е. обретает интеллигибельный вид. Иными словами, только в результате концептуализации в области непосредственного опыта первичным образом выделяется многообразие данных, которые интерпретируются и согласовываются определенным способом, заложенным в концептуальной схеме.

Амбивалентность принципа концептуализации, истолкованного в смысле организующего действия концептуальной схемы по отношению к эмпирическому содержанию, заключается в несовместимости положения об условиях осмысленного применения понятия организации (тезис 1 и тезис 2) и допущения. Они лежат в основе утверждения исключительной роли концептуальной схемы в деле придания эмпирическому содержанию организованного интеллигибельного вида, отвечающего условиям его ассимиляции в формах мысли и речи: «Понимание концептуализации как организации предполагает, что эмпирическое содержание уже внутренне различено, что *ex hypothesi* только сама концептуализация могла произвести. Получается, эмпирическое содержание концептуализировано и не концептуализировано» [Goldberg, 2004, 417]. Следовательно, метафора «организации» включает в себе внутреннее противоречие и не позволяет объяснить, в чем заключается действие концептуальной схемы по отношению к эмпирическому содержанию.

Невразумительность идеи концептуальной схемы в ее функциях по отношению к эмпирическому содержанию: метафора «соответствия»

В порядке критического анализа оснований концептуального релятивизма Дэвидсон обращается к следующей группе метафор, которые в рамках парадигматически закрепившегося дуализма концептуальной схемы и содержания определяют специфическое понимание принципа концептуализации. В этой новой группе метафор универсалией является уже не «организация», а «согласование» или «соответствие»: концептуальная схема согласовывает некое содержание или согласуется с неким содержанием.

Согласование можно трактовать и в смысле организации, и в смысле соответствия, в силу которого схема, воплощенная в языке, является истинной. Тезис о согласовании некоторых данных *несостоятелен*, если согласование трактовать как организующую функцию схемы по отношению к содержанию.

Тезис о согласовании может истолковываться в смысле установления *соответствия* концептуальной схемы (или онтологии, заданной на основе этой схемы) некоторому содержанию (трактуемому с позиций феноменализма или физикализма). В чем же смысл

утверждения, что схема *согласовывается* с некоторым содержанием? Утверждать, что схема согласовывается с некоторым содержанием, значит утверждать, что схема подкрепляется некоторыми свидетельствами, выступающими в роли достаточных оснований для того, чтобы полагать, что схема является истинной: «Попытка охарактеризовать язык, или концептуальные схемы, в терминах соответствия некоторой сущности, привели к простой мысли, что концептуальная схема приемлема, если она истинна» [Дэвидсон, 2003, 2702]. Речь идет о схеме, операционализируемой на уровне предложений языка теории, которым можно присвоить истинностные значения. На этом этапе критика идеи отношения концептуальной схемы и содержания производится на основе демонстрации того, что «согласование с чувственными данными, как и соответствие фактам, ничего не прибавляют к простому понятию истины» [Дэвидсон, 2003, 271].

Семантическая концепция истины и дефляция принципа «соответствия»

Дэвидсон позитивно оценивает эвристические возможности подхода, устанавливающего, что истина должна определяться посредством нейтральных семантических терминов. Именно такой подход предлагает семантическая концепция истины А. Тарского. В его концепции нейтральными семантическими терминами являются: *«обозначение»* (designation) (или денотация – denotation), которое связывает единичные термины с тем, что они обозначают; *выполнимость* (satisfaction), которая наличествует между открытым предложением и тем объектом или объектами, относительно которых оно истинно; *определение*, которое связывает уравнение и число, определяемое этим уравнением единственным образом» [Дэвидсон, 2003, 110].

Логико-семантический подход задействует функциональную трактовку предложений, которые специально представлены в форме, предназначенной для экзистенциальной квантификации. Преимущество дисквотационного подхода, предложенного А. Тарским, состоит в том, что выявление отношения, называемого *выполнимостью*, и определение истины с его помощью являются моментами применения общей стратегии истинностных оценок, позволяющей избежать неоправданных онтологических обязательств и апорий теорий корреспонденции. Для установления выполнимости, т. е. того, что в логическом смысле «делает» предложение истинным, существенно выделить именно область объектов-значений предложения (предикатной функции) из той области определения, в которой производится квантификация. Поскольку истина определяется теперь в терминах выполнимости, т. е. на основе семантического понятия, «больше уже нельзя говорить, что истина определена, даже для какого-то отдельного языка, в несемантических терминах, таких как „соответствие факту“» [Davidson, 2001, 180]. В предложениях, образованных по модели, индуцируемой Конвенцией Т, «нет указания ни на факт, ни на опыт, ни на какие-либо иные данные», а Т-предложения выступают тривиальными утверждениями. Если следовать концепции Тарского, то должно

признать, что T-предложения – «предложения типа „Снег бел” истинно, если и только если снег бел» должны быть тривиально истинными. Совокупность всех таких T-предложений данного языка единственным образом определяют объем понятия истины для носителя данного языка» [Дэвидсон, 2003, 272].

Достоинство данного подхода Дэвидсон усматривает в отсутствии указания на соответствия высказываний некоторым фактам или положениям дел, т. е. в свободе от неясностей отношения соответствия и неопределенностей, связанных с установлением того, чему соответствует наши высказывания: определения предиката истины в концепции Тарского таковы, что «в них ничто не играет роль фактов или положений дел. В определениях истины Тарского не задействована идея того, что предложение „соответствует” чему бы то ни было» [Davidson, 2005, 22-23]. В этом смысле понятие истины является «простым». Однако для Дэвидсона очевидно также, что с помощью процедуры раскавычивания достигается не раскрытие содержания понятия истины как такового, а всего лишь определение средствами метаязыка *экстенционала истинностного предиката* для предложений некоторого объектного языка: «Мы не можем признать, что такой предикат является истинностным предикатом, если только мы уже не схватываем (неопределенное) общее понятие истины» [Davidson, 2005, 12].

В другом смысле понятие истины является «простым» понятием, поскольку предпосылки понимания – «схватывания» этого понятия – закладываются при обучении языку и актуализируются в условиях интерпретации, без которой нельзя обойтись даже в случае общения на известном языке. Освоение языка предполагает закрепление в сознании обучающегося основных моделей того, как используется язык. А это не достигается в полной мере на основе формальной правильности словоупотребления, необходимо также развитие содержательного понимания условий истинности того, что говорится, т. е. формирование способности различать ситуации, когда то или иное высказывание является формой признания истины, а когда оно ошибочно. Такое понимание в целом соответствует тому конструктивному значению, какое имеет язык для способности пропозиционально-содержательного мышления. Понимание условий истинности является необходимым в той мере, в какой владение языка неотделимо от владения концептами и умения правильно их применять, особенно тогда, когда в речевом поведении присутствует интенция, без которой теряет смысл языковое общение, интенция на высказывания того, что является истинным.

Ложность конъюнкции «истинность, но непереводаемость»

Исходя из формально-методологических соображений, которые Дэвидсон развивает, отталкиваясь от семантической концепции истины А. Тарского, философ демонстрирует несостоятельность положения, что утверждение истинности теорий логически согласуется с утверждением их несоизмеримости. Тезис о несоизмеримости получает эксплицитную

формулировку в виде конъюнкции, которая, как показывает Дэвидсон, является ложной: положения различных теорий истинны (относительно концептуальной схемы – «парадигмы»), но теории при этом несоизмеримы, что в терминах отношения концептуально-языковых каркасов означает неперебиваемость тех предложений, значение терминов которых определяется в рамках различных концептуальных схем.

Если исходить из представления о том, как должно использоваться понятие истины применительно к языковым выражениям, принимая за основу такого представления формулу определения предиката истины для некоторого языка, предложенную А. Тарским, то основное положение концептуального релятивизма, допускающее возможность разделить понятие истины и понятие перевода, представляется необоснованным.

Согласно концепции Тарского, критерий адекватности определения истины для конкретного языка заключается в выполнении требования, чтобы «это определение позволяло в качестве теорем вывести все предложения формы *s* истинно в *L*, если и только если *p*, где *s* является описанием любого предложения в *L*, а *p* – переводом этого предложения на язык, в котором дается определение предиката «является истинным в *L*» [Davidson, 2005, 12]. Ссылаясь на принципы дисквотационного подхода, Дэвидсон пытается доказать, что в случае различия языков определение условий истинности на основе Конвенции Т Тарского невозможно без операционализации понятия перевода в его логико-семантическом значении. Поскольку Конвенция Т требует, чтобы каждое предложение объектного языка было *переводимо* в метаязык, постольку понятие истины (объем истинностного предиката) не допускает раскрытия без обращения к понятию перевода.

Таким образом, аргумент против тезиса о несоизмеримости, сформулированного как тезис о неперебиваемости, нацелен на демонстрацию того, что «не следует надеяться обнаружить радикальное отличие концептуальной схемы, если критерии этого зависят от допущения того, что мы можем разделить понятие истины и понятие перевода» [Дэвидсон, 2003, 273]. Так Дэвидсон использует формально-методологические соображения для того, чтобы продемонстрировать несостоятельность представления, будто бы теории, в языке которых воплощены различные концептуальные схемы, могут быть истинными, но несоизмеримыми.

Что же касается концепции истины в стиле А. Тарского, то представленный в ней способ определения предиката «является истинным» для предложений некоторого формализованного языка может быть адаптирован, как полагает Дэвидсон, к естественному языку. И в этом случае необходимо понимать и соотносить семантические и фактические экстралингвистические конститутенты значимости утверждения статуса истинности, находя для Т-предложений условия их эмпирической адекватности (подкрепляемости доступными свидетельствами): «Что показывает нам Конвенция Т и тривиальные предложения, которые она объявляет истинными, такие как «*Grass is green*», *высказанное носителем английского языка, истинно, если и только если трава зеленая*», так это то, что истина высказывания зависит от двух вещей: что означают произносимые слова и как обстоят дела мире. Сверх

того нет никакой относительности к концептуальной схеме, способу представления вещей или перспективе» [Davidson, 2001, 139].

Расхождение относительно истинностного статуса тех или иных высказываний в принципе возможно, но его не следует рассматривать в качестве следствия концептуальной релятивизации содержания пропозициональных установок, утверждения несоизмеримых парадигм миропонимания и уникальных стандартов оценки истинности. Разногласие имеет смысл, если есть общность, в горизонтах которой выявляются предпосылки согласия: «Два интерпретатора, сколь угодно не похожие друг на друга в плане культуры, языка и точки зрения, могут иметь разногласия относительно того, является ли высказывание истинным, но только при условии, если они расходятся в представлении о том, как вещи обстоят в *общем* для них мире, или что *означает* данное высказывание» [Davidson, 2001, 139]. Конвергенция позиций возможна в створе практически выверяемого отношения к общим основаниям, будь то объективно-каузальные факторы, обуславливающие содержание перцептуальных полаганий, или когерентные семантические установки, определяющие значение слов и выражений, посредством которых выражается нечто, что считается истинным или принимается за истину при определенных intersubjectively очевидных обстоятельствах.

Такова общая схема рассуждений, посредством которых формируется аргументативный базис для общего заключения, что утверждение о полной непереводемости не включает в себе никакого смысла, который мог бы стать предметом рационального понимания.

Критическая деконструкция идеи частичной неудачи перевода

Вторая ситуация, которую рассматривает Дэвидсон, моделируется на основе *идеи частичной*, а не полной неудачи перевода. Идея частичной неудачи перевода (если допустить ее рациональность) в принципе не имплицитно подразумевает никакой несоизмеримости концептуальных схем, семантических матриц и логических структур различных языков: «Эта идея предполагает возможность понимания изменений и контрастов в концептуальных схемах через обращение к некоторой общей части» [Дэвидсон, 2003, 273]. Поскольку полная непереводемость не представляется возможной, то должна быть какая-то часть незнакомого языка, которая все же будет нам понятна. И если применяется такой метод интерпретации, который обеспечивает понимание части незнакомого языка, то есть достаточные основания для полагания, что используя данный метод, мы можем в принципе достигнуть понимания языка в целом.

Вообще уяснить неудачу перевода можно только тогда, «когда она достаточно локальна» [Дэвидсон, 2003, 269]. Для фиксации частичной неудачи или какой-либо неопределенности в интерпретации должна быть налицо основа для успешного в целом перевода (например, «наличие общей для двух языков онтологии, содержащей понятия, которые индивидуализируют одни и те же объекты» [там же], или «систематическая корреляция предложений,

истинных для носителя языка, с предложениями, истинными для переводчика» [там же, 276]. Поэтому под «общей частью», обращение к которой необходимо для «понимания изменений и контрастов», следует понимать не только часть незнакомого языка, которая уже так или иначе интерпретирована в родном языке: в объем этого понятия входят сложившиеся семантические комплексы и логические структуры языка, которые должны допускать согласование с известными нам логическими принципами и семантическими матрицами, – но также и системы базовых понятий и пропозициональные установки, которые проявляются в ситуациях использования языка и могут быть идентифицированы, исходя из нормативных соображений (когерентность, вытекающая из принципа рациональности) и каузальных условий их формирования (экстерналистские соображения). Последние, будучи коррелятивными или в определенной мере совпадающими, также входят в «общую часть», обеспечивающую возможности прогресса в интерпретации. Выявление этой общности, которую следует допустить, если мы вообще придаем смысл попыткам понять незнакомый язык, является ключевым моментом методологии интерпретации: оправдание допущений, имплицитных *принципом доверия*, создает предпосылки согласия, на фоне которого оцениваются разногласия.

Таким образом, частичная неудача перевода возможна, но ее нельзя утверждать как принцип, ибо всякая неудача в этой области относительна. Неудачи перевода не является показателем проблем, которые нельзя было бы разрешить в перспективе интерпретации, поскольку не является следствием какого-то непреодолимого разрыва в основаниях различных языковых и концептуальных систем, который мог бы привести к семантическому и концептуальному релятивизму.

Данное положение становится понятным с учетом, по крайней мере, двух обстоятельств. Во-первых, оно следует из обоснования возможностей прогресса интерпретации, которые при соответствующем подходе должны быть очевидны даже тогда, когда возникает проблема интерпретации речевого поведения без какого-либо предварительного знания о базовой семантике и установках носителя незнакомого языка (ситуация *радикальной интерпретации*). Во-вторых, для релятивизации неудачи перевода, а в широком смысле – для такой экспликации ошибки в интерпретации, которая позволяет на фоне общего согласия усмотреть различие установок и наметить возможности их согласования, определяющее значение имеет *холистический* характер радикальной интерпретации: «Для интерпретации конкретного высказывания необходимо строить всеобъемлющую теорию для интерпретации потенциальной бесконечности высказываний» [Дэвидсон, 2003, 212]. Собственно, так в контексте проектирования теории интерпретации выражений незнакомого языка истолковывается «формальное требование к теории значения – что теория значения для языка охватывает *все* высказывания на этом языке» [Лебедев, 2003, 434]. Требование является вполне обоснованным с точки зрения условие-истинностной семантики, которая связывает понимание языка с адекватной теорией истины, задающей условия истинности (в форме Т-предложения) для

каждого предложения данного языка, ибо «задание условий истинности есть способ задания значения предложения» [Дэвидсон, 2003, 54].

Используя формальные ресурсы семантической теории истины Тарского, прежде всего схему Т-предложений «*s* истинно, если только если *p*» в качестве «модели для теорем адекватной теории значения» [Лебедев, 2003, 412], Дэвидсон не ограничивается задачей описания логической структуры и семантической матрицы языка, но, обращаясь к естественному языку, разрабатывает стратегию ситуативного анализа *актов речи*, совмещая ее с установкой холизма: для определения значения употребляемых слов и предложений необходимо учитывать целостный контекст использования языка, а не отдельные выражения (предложения) в отношении к опыту и/или внеязыковой «реальности».

Несмотря на то что каждый язык обладает собственной логико-семантической структурой и имеет прагматическое расширение в виде правил употребления выражений и построения речевых актов, такая структура, как и содержание речевых актов, в принципе поддается описанию на основе использования аппарата условие-истинностной семантики (теории значения как условий истинности, модифицированной применительно к естественному языку) и не исключает осмысленного соотнесения со структурой другого знакомого нам языка в порядке построения, уточнения и развития общей *теории интерпретации речевого поведения* субъекта, даже если субъект является носителем незнакомого языка.

Антирелятивистические импликации методологии радикальной интерпретации

Размышляя над возможностью радикальной интерпретации, Дэвидсон не только демонстрирует основания для сомнения в «осмысленности положения о существовании языка, который мы не могли бы перевести вообще» [Дэвидсон, 2003, 270], но и показывает, какие возможности конвергенции перспектив миропонимания и соизмерения семантических планов различных языков, закладываемые в методологию интерпретации, служат антитезой тенденциозному представлению о радикальных концептуальных и семантических контрастах, постулирование которых соответствует базовым установкам релятивизма.

Методология радикальной интерпретации разрабатывалась Дэвидсоном с учетом тех конститутивных условий практики освоения и использования языка, на которых держится intersubjective коммуникация, предполагающая предметное взаимодействие носителей языка в горизонтах общего для них мира. Теория радикальной интерпретации должна была представить условия понимания речевого поведения, которые определяются на основе взаимосвязи «приписывания носителю языка мнений и интерпретации предложений» [там же, 273]. Результатом применения стратегии интерпретации должны быть теория речевого поведения, в которой «мнения и значения сотрудничают в объяснении высказанного» [там

же, 204]. Такая теория «одновременно объясняет установки и интерпретирует речь» [там же, 274], т. е. интегрирует теорию значения и теорию полаганий как части одного комплексного проекта. Принцип сопряженности значения высказываний (речевых актов) с приписыванием носителю языка пропозициональных установок соответствует фундаментальной идее Дэвидсона о взаимосвязи языка и мышления, которая уже была обозначена при анализе базового философского аргумента против релятивистического принципа несоизмеримости: нельзя интерпретировать отдельные высказывания и речевое поведение носителя языка в целом, не допуская, наряду с лингвистической компетентностью, рациональность субъекта и не приписывая ему определенные убеждения, желания и намерения, для выражения которых он использует ресурсы языковой системы.

Но интерпретатор имеет дело с абсолютно незнакомым языком и не обладает предварительными знаниями ни о параметрах его синтаксических структур и семантических матриц, ни о наборе значений элементарных выражений и способах их комбинирования, ни о содержании пропозициональных установок его носителя, для раскрытия которых используются релевантные выражения и практически закрепившиеся модели речевого поведения. Именно в этом смысле интерпретация является радикальной. Следовательно, «радикальная интерпретация должна опираться на свидетельства, которые не предполагают знание значений или детальное знание мнений» [там же, 194]. Поэтому в качестве исходного пункта интерпретации представляется распознавание некой базисной установки, удовлетворяющей критериям публичной очевидности. В качестве таковой выступает *установка принятия за истину*. Ее манифестация прослеживается в поведении носителя языка – в его вербальных и иных реакциях на объекты и события, выделяемые и различаемые в перспективе треугольных отношений, связывающих между собой интерпретатора, носителя языка и те аспекты общего для них мира, в которых определяется точка конвергенции их полаганий (триангуляция) [Davidson, 2001, 128]. В этом пункте методология интерпретации опирается на возможности *экстерналистского подхода*: определение того, что в типовых ситуациях носитель языка принимает за истину и высказывает как истинное, производится на основе прослеживания каузально обусловленных корреляций речевого и иного поведения носителя языка с объектами и событиями, распознаваемыми в горизонтах общего intersubjectively открытого мира. Для интерпретации существенна идентификация последних в качестве таких факторов, с которыми коррелируют пропозициональные установки и значащие речевые акты самого интерпретатора. Таким образом, интерпретация предполагает базисную общность концептуально специфицируемых аспектов онтологии и когерентность базовых пропозициональных установок, реализуемых в идентичных ситуациях и обстоятельствах.

Распознавание установки принятия за истину представляется «наиболее благоприятным» исходным пунктом радикальной интерпретации. Истина, считает Дэвидсон, есть то «единственное свойство, которое может или не может быть приписано высказываниям, в то вре-

мя как каждое высказывание обладает своей собственной интерпретацией; и истина более пригодна к соединению с довольно простыми установками носителей языка» [Дэвидсон, 2003, 193]. Ведь «носитель языка считает предложение истинным в силу того, что это предложение (на его языке) означает, и в силу того, в чем он убежден» [там же, 194]. Поскольку в установке на принятие за истину сходятся векторы мнения и значения, и «это – установка, которую переводчик может с высокой вероятностью определить до интерпретации» [там же, 194], то наблюдение и обобщение ситуаций, в которых человек принимает нечто высказываемое за истину, становится базой эмпирических свидетельств, необходимых для проверки и уточнения разрабатываемой теории интерпретации, в семантическом плане которой назначение значений высказываниям носителя языка необходимо сопряжено с приписыванием ему определенных убеждений. Основная идея заключается в том, что в идеале, «зная только условия, при которых субъекты считают предложения истинными, мы можем прийти, при наличии работающей теории, к интерпретации каждого предложения» [там же, 198]. Предлагаемый подход к интерпретации соответствует холистической установке, реализуемой в рамках условие-истинностной семантики, принципы которой принимаются в качестве формальной основы теории интерпретации: «Мы можем интерпретировать конкретное предложение, если знаем правильную теорию истины, которая имеет дело с языком этого предложения» [там же, 199].

Как уже было сказано, формальная структура для интерпретации (построения теории значения) в свете принципов условие-истинностной семантики определяется на основе семантической концепции истины А. Тарского: методология интерпретации опирается на предложенную им формулу определения объема предиката истины для предложений некоторого (формального) языка. Дэвидсон находит возможным модифицировать эту формулу применительно к предложениям того естественного языка, интерпретацию которого нужно построить, хотя критики указывали на трудности с выполнением условия материальной адекватности определения истины в случае радикальной интерпретации, когда необходимо разработать теорию значения для выражений незнакомого языка. Определение понятия истины для конкретного естественного языка, служащее основой понимания выражений на этом языке, в контексте методологии радикальной интерпретации предполагает, что интерпретатор отправляется от установления и выверения условий истинности *лишь для части предложений* незнакомого языка [Дэвидсон, 2003, 192], дорабатывая, восполняя и уточняя определение истины для выражений этого языка по мере достраивания вразумительной картины речевого и иного поведения носителя языка.

Выдвигая в качестве одного из требований к теории интерпретации, что последняя должна допускать поддержку или проверку свидетельствами, доступными интерпретатору-переводчику, Дэвидсон предостерегает от «вольного обращения с понятием поддержки свидетельствами» [там же, 198]. Наряду с признанием необходимости формировать на сколько возможно полную базу эмпирических свидетельств, на основе которых выверяются

T-предложения и уточняется основанная на них интерпретация, Дэвидсон не только *принципиально*, но и *прагматически* воздерживается от принятия идеи окончательного свидетельства, разрешающего проблему оснований теории, задающей посредством T-предложений условия истинности для каждого высказывания естественного языка и применяемой как теория интерпретации [там же, 190]. Мотивированный отказ от идеи окончательного свидетельства имплицитивно соотнобразует с допущением неопределенности интерпретации, согласно которому могут создаваться разные, но в равной степени эмпирически подкрепляемые теории для интерпретации высказываний незнакомого языка. А это допущение является вполне оправданным в рамках холистического подхода: для интерпретации конкретного высказывания необходимо в конечной форме представить набросок «всеобъемлющей теории для интерпретации потенциальной бесконечности высказываний» [там же, 213]; поэтому «свидетельство для интерпретации конкретного высказывания должно быть эмпирическим свидетельством для интерпретации всего высказанного говорящим или сообществом» [там же, 212], но такого рода свидетельствам, очевидно, нельзя придать аподиктически конечную форму.

Понятно, что разработка теории, задающей условия истинности для каждого предложения естественного языка, изначально не являющегося знакомым для интерпретатора, обеспечивает лишь структурно формальное условие, которое методологически необходимо, но само по себе не является достаточным для успешной интерпретации. Теория истины, адаптированная к естественному языку, не может быть использована для интерпретации и перевода незнакомого языка без фундаментальных допущений относительно когерентности убеждений и истинности высказываний, которые вводятся в рамках стратегии оптимизации согласия между установками интерпретатора и носителя незнакомого языка: «Дело в том, что если мы знаем только то, какие предложения носитель языка считает истинными, и не можем допустить, что его язык является нашим собственным, тогда мы не сделаем даже первого шага к интерпретации, не предположив многое из того, в чем убежден рассматриваемый субъект» [Дэвидсон, 2003, 273]. Поэтому основополагающим методологическим регулятивом, который входит в базовые условия возможности радикальной интерпретации, является *принцип доверия*, или *принцип милосердия* (обозначение дано Нейлом Уилсоном и используется также У. Куайном и Д. Дэвидсоном, который альтернативно обозначал его как «принцип рациональной аккомодации»).

Именно принцип доверия имплицитно включает комплекс допущений, необходимых и оправданных в рамках общей политики оптимизации возможностей согласия или «рациональной аккомодации», без которой нельзя сделать и шага в интерпретации: допущение рациональности субъекта – носителя языка, когерентности его убеждений («принцип когерентности») и допущение истинности его высказываний («принцип корреспонденции»), каузальной связи их с объектами и событиями общего мира. Принцип доверия означает, что мы принимаем «общее соглашение по поводу мнений носителя языка и переводчика» [Дэвидсон, 2003,

274], которое является регулятивно значимой предпосылкой для проектирования возможностей понимания и их последующей проработки. Конструктивное значение принципа доверия раскрывается в том, что, разрабатывая теорию интерпретации речевого и иного поведения носителя незнакомого языка, мы можем использовать собственную логику и убеждения для ориентации в логике и убеждениях другого, допуская их взаимную согласованность («когеренция»); в координации с этой линией мы можем назначать значения высказываниям, приписывая «предложениям субъекта условия истинности, которые реально, по нашему собственному мнению, выполняются, когда субъект считает эти предложения истинными» («корреспонденция») [там же, 275].

Таким образом, принцип доверия специфицируется посредством регулятивных установлений, выражаемых принципом когеренции и принципом корреспонденции:

1) принцип когеренции побуждает интерпретатора «допускать и открывать определенную степень логической согласованности и последовательности в мышлении носителя языка (интерпретация основывается на допущении общности логических структур и когерентности базовых убеждений)» [Davidson, 2001, 211];

2) принцип корреспонденции побуждает интерпретатора «рассматривать носителя языка как реагирующего на те же самые особенности мира, на которые он (интерпретатор) реагировал бы при сходных обстоятельствах, высказывая нечто истинное» [там же].

Принцип доверия выражает презумпцию, что говорящие рациональны и что в основном они не ошибаются. Этот принцип «рекомендует нам интерпретировать говорящих как имеющих истинные полагания (истинные с нашей точки зрения, по крайней мере) везде, где это возможно» [Лебедев, 2003, 431]. Такое доверие не является произвольно выбранной установкой, оно необходимо как «условие для того, чтобы иметь работоспособную теорию» [Дэвидсон, 2003, 275], и оправдано с точки зрения нормативных соображений, вытекающих из принципов рациональности субъектов языковой коммуникации и интеллигибельности их позиций: «Мы придаем максимум смысла словам и мыслям других, когда интерпретируем их способом, оптимизирующим согласие, которое предусматривает место и для эксплицируемой ошибки, то есть разницы во мнениях. Остается ли тогда место для концептуального релятивизма?» [там же, 276].

Итак, если радикальная интерпретация возможна и истинность этого положения верифицирована успехом продуктивной коммуникации, то релятивистский тезис о несоизмеримости является по сути своей ложным: в случае успешной интерпретации нет необходимости предполагать наличие различных концептуальных схем; если же утверждается недостижимость интерпретации (невозможность перевода), то нет разумных оснований полагать, что имеется какая-то концептуальная схема, воплощенная в языке. И в том и в другом случае налицо основания для заключения, что «поскольку мы не можем обоснованно утверждать, что схемы различны, постольку мы не можем считать, что схема является одной и той же» [там же, 277].

Объективные ключи к взаимопониманию

Следует особо подчеркнуть, что Дэвидсон анализирует главным образом естественный язык, который рассматривается как не просто как некая семиотическая система, обладающая индивидуальной логической структурой и сращенная с категориальным сознанием, но как целостная система речевого поведения, встроенная в способы деятельности, коммуникации и ориентации в мире. Семантический профиль языка можно выявлять, руководствуясь принципом композициональности значения, используя холистский подход к построению модели лингвистического понимания и опираясь на аксиоматизированную условие-истинностную семантику, модель которой Дэвидсон находил в семантической концепции истины А. Тарского. В случае же радикальной интерпретации холистическая установка понимания языка эффективно «работает» в комбинации с теми методологическими возможностями, которые предоставляет *экстерналистский подход*. Значение этого подхода раскрывается в русле общего представления о конститутивных условиях языковой коммуникации. Языковая коммуникация рассматривается Дэвидсоном как форма взаимодействия между людьми, в условия которого входит конвергентное отношение к ситуациям, объектам и событиям, распознаваемым как части общего мира, поскольку с этими объектами и событиями каузально-исторически связаны базовые образцы языкового поведения, включающие способы обозначения и выражения, закрепившиеся в языковой практике. В наблюдаемых каузально основательных корреляциях поведения людей со знакомыми нам объективными обстоятельствами находятся ключи для понимания других, даже если эти другие – представители культурно-самобытного языкового сообщества. Понимание других возможно в той мере, в какой нам доступна информация, которая «имеет пропозициональное содержание, сцепленное с («geared to») ситуациями, объектами и событиями, которые мы можем описать в терминах знакомого нам языка» [Davidson, 2005, 138]. Такой подход к построению понимания незнакомого языка в принципе не оставляет «места для концептуального релятивизма».

Заключение

В своих работах Дэвидсон последовательно обосновывает положение, что интерпретируемость является неизменным атрибутом любого языка, а коммуницируемость – атрибутом пропозиционального мышления, способность к которому неотделима от владения языком. Язык по своей природе является феноменом публичных форм жизни, и понимание языка, сопряженное с владением интерпретацией, представляется конститутивным условием функционирования языка в системе intersubjectивных отношений: освоение и использование языка в коммуникативной практике необходимым образом основано на интерпретации. Поскольку в условия возможности языковой коммуникации входит интерпретация, которая предполагает рациональную аккомодацию, основанную на допущении когерент-

ности понятий и убеждений, и выявление факторов согласия между людьми, определяемых условиями взаимодействия в горизонтах общего мира, постольку коммуникация заключает в себе все необходимое для определения объективного стандарта истины.

Последовательная критика Дэвидсоном тезиса о несоизмеримости и обоснование возможностей радикальной интерпретации указывают на возможности выявления объективных пределов концептуальных и семантических различий и доказывают, таким образом, что абсолютизация принципа концептуально-языковой относительности является неоправданной. Дэвидсон допускает существование культурно-исторических, мировоззренческих, концептуальных, языковых и иных контрастов и различий, но утверждает, имея в виду в числе прочего потенциал методологии интерпретации, что «все это контрасты, которые при наличии желания и усилия мы можем объяснить и понять» [Davidson, 2001, 40].

Несмотря на то что разработанная Дэвидсоном концепция радикальной интерпретации в целом ряде аспектов была подвергнута критике со стороны некоторых представителей аналитической философии, именно развитие этой концепции позволило артикулировать значение тех принципов семантики и прагматики языка, на которые ориентировался Дэвидсон, когда последовательно развивал аргументацию, направленную против концептуального релятивизма. Критические аргументы Дэвидсона, выработанные в русле концепции интерпретации, совмещающей холизм и экстернализм, и усиленные эпистемологией, включающей дуализм концептуальной схемы и содержания и ориентированной на стандарты когерентности и каузальной связи с миром, демонстрируют, что позициям концептуального релятивизма нельзя придать рациональный статус.

Библиография

1. Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. М.: Практикс, 2003. 448 с.
2. Куайн У. ван О. Слово и объект. М.: Логос, Практикс, 2000. 386 с.
3. Лебедев М.В. Языковое значение в представлении Дональда Дэвидсона // Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. М.: Практикс, 2003. С. 408-443.
4. Никоненко С.В. Аналитическая философия: основные концепции. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. 546 с.
5. Baghramian M. *Relativism*. Routledge: Taylor & Francis Group, 2004. 293 p.
6. Davidson D. *Intellectual autobiography* // Hahn L.E. (ed.) *The philosophy of Donald Davidson*. The library of living philosophers. Vol. 27. La Salle, 111: Open Court, 1999. P. 3-70.
7. Davidson D. *Reply to A.C. Genova* // Hahn L.E. (ed.) *The philosophy of Donald Davidson*. The library of living philosophers. Vol. 27. La Salle, 111: Open Court, 1999. P. 192-194.
8. Davidson D. *Subjective, Intersubjective, Objective*. Oxford: Clarendon Press, 2001. 256 p.
9. Davidson D. *Truth, Language and History: Philosophical Essays*. Oxford: Clarendon Press, 2005. 350 p.

10. De Caro M. Davidson in Focus // De Caro M. (ed.) Interpretations and causes: New Perspectives on Donald Davidson's Philosophy. Unites States: Kluwer Academic Publishers, 1999. P. 1-29.
 11. Goldberg N. Arguments against Conceptual Schemes and Empirical Content // The Southern Journal of Philosophy. 2004. Vol. XLII. P. 411-438.
 12. Lewis C.I. Mind and the World Order: outline of a theory of knowledge. N. Y.: Scribner's, 1960. 446 p.
 13. Newton-Smith W.H. The rationality of science. Routledge: Taylor & Francis Group, 2003. 294 p.
-

Donald Davidson's criticism of the foundations of conceptual relativism

Andrei V. Galukhin

PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of history and philosophy,
Plekhanov Russian University of Economics,
117997, 36 Stremyannyi lane, Moscow, Russian Federation;
e-mail: molbard9@yandex.ru

Abstract

This article presents the analysis of a set of arguments put forward by D. Davidson in his sophisticated criticism of conceptual relativism. The notion of conceptual relativism is explicated on the basis of a general theory, which assumes that our knowledge and understanding, and our view of the world, depend on various conceptual schemes; those schemes are fixed in language structures and determine the propositional content of thought and speech. The inconsistency of relativist views is demonstrated by the critical analysis of their basic assumptions, revolving around the principle of dualism of conceptual scheme and some neutral content. This helps to explain relativization as an effect of conceptualization; Davidson criticisms target the most radical implications of the idea of total conceptual relativity, such as an unjustified absolutization of the contrasts between various conceptual schemes and linguistic frameworks, which corresponds to the assertion of the incommensurability of theories, paradigms and worldviews. The paper gives account of Davidson's views on the relations between language and thought, rationality and communication, truth and interpretation, and specifies

those views as forming a theoretical ground for the criticism of the very idea of complete, and partial failures of translatability, the idea which is equivalent to the relativistic claim that different conceptual schemes, encoded in logical and semantic structures of languages, may be incommensurable. The article provides a systemic exposition of the coherent lines of Davidson's critical analysis of the paradigmatic principle of conceptual relativism, the fundamental dualism of scheme and content, introduced as the last dogma of empiricism: those criticisms challenge the idea of language as embodying a unique conceptual scheme and render the idea of conceptual incommensurability as unintelligible. The article evaluates the validity of Davidson's arguments against the attempts to characterize conceptualization in terms of the notions of conceptual schemes' organizing, or fitting their empirical content: those notions are proved to be either ambivalent, or superfluous; a consideration is also given to the arguments which reveal the epistemological problem of identifying a pure empirical content and characterizing its functioning with different conceptual schemes, or introducing nonconceptual data as justificatory basis of knowledge. It is claimed that the potential of Davidson's counter-relativist argumentation has been developed through the elaboration of the methodology of radical interpretation, which incorporates the principles of truth-theoretic semantics and combines holistic approach with externalism.

For citation

Galukhin A.V. (2017) Kritika Donal'dom Devidsonom osnovanii kontseptual'nogo relyativizma [Donald Davidson's criticism of the foundations of conceptual relativism]. *Kontekst i refleksiya: filozofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (3A), pp. 5-38.

Keywords

Relativism, conceptual scheme, incommensurability, language, semantics, truth, radical interpretation, communication.

References

1. Baghramian Maria (2004) *Relativism*. Routledge: Taylor & Francis Group.
2. Davidson D. (1999) Intellectual autobiography In: Hahn L.E. (ed.) The philosophy of Donald Davidson. *The library of living philosophers*, 27. La Salle, 111: Open Court, pp. 3-70.
3. Davidson D. (1999) Reply to A.C. Genova In: Hahn L.E. (ed.) The philosophy of Donald Davidson. *The library of living philosophers*, 27. La Salle, 111: Open Court, pp. 192-194.
4. Davidson D. (2001) *Subjective, Intersubjective, Objective* Oxford: Clarendon Press.
5. Davidson Donald (2003) *Issledovaniya istiny i interpretatsii* [Inquires into truth and interpretation]. Moscow: Praxis Publ.

6. Davidson D. (2005) *Truth, Language and History: Philosophical Essays*. Oxford: Clarendon Press.
7. DeCaro M. (1999) Davidson in Focus In: De Caro M. (ed.) *Interpretations and causes: New Perspectives on Donald Davidson's Philosophy*. Unites States: Kluwer Academic Publishers, pp. 1-29.
8. Goldberg N. (2004) Arguments against Conceptual Schemes and Empirical Content. *The Southern Journal of Philosophy*, XLII, pp.411-438.
9. Lebedev M.V. (2003) Yazykovoe znachenie v predstavlenii Donalda Davidsona [Donald Davidson on linguistic meaning] In: Davidson Donald. *Issledovaniya istiny i interpretatsii* [Inquires into truth and interpretation] Moscow: Praksis Publ., pp. 408 – 443.
10. Lewis C. I. (1960) *Mind and the World Order: outline of a theory of knowledge*. New York: Scribner's.
11. Newton-Smith W.H. (2003) *The rationality of science*. Routledge: Taylor & Francis Group.
12. Nikonenko S.V. (2007) *Analiticheskaya filozofiya: osnovnye kontseptsii* [Analytic philosophy: prominent conceptions]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University.
13. Quine Willard Van Orman (2000) *Slovo i obekt* [Word and Object]. Moscow: Logos, Praksis Publ..